

Корневая морфема в древнетюркском языке

Н.Г. Шаймердинова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан
(E-mail nurila1607@mail.ru)

ARTICLE INFO

Ключевые слова:
литературный язык, структура древнетюркского слова, корневая морфема, знаковость, исторические реликты, вариативность, производящие корневые морфемы.

MPНТИ 16.21.35

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-1-95-108>

АННОТАЦИЯ

Литературный древнетюркский язык сформировался на базе древнетюркских диалектов. В эпоху древнетюркских каганатов языком рунических надписей как единым литературным языком пользовались различные тюркские племена или союзы племен – кипчаки, огузы, уйгуры, тюргеши, киргизы. Внутренняя структура древнетюркского литературного языка достаточно изучена в части графической, фонетико-фонологической, лексической, морфологической. Однако морфемно-деривационная система языка исследована фрагментарно и непоследовательно. Структура древнетюркского слова состоит из корневой и аффиксальных морфем, дифференцированных нами на словообразовательные, словоизменяющие и формообразующие. Корневая морфема – знаковая единица, содержательной стороной которой является закодированная информация, воплощенная в лексическом значении слова. Значение корня единично и конкретно, в отличие от абстрактных значений служебных морфем. В отличие от корней современных тюркских языков в корневой морфеме древнетюркского языка наблюдаются исторические реликты: первичные моносиллабы, глагольно-именной синкретизм, вариативность звукового состава (*ул/ел; ир/эр/ ер; ол/ул/у; мын/мин/мен/мун/мүн*). Звуковые изменения в корневой морфеме обусловлены архаичностью праформ и влиянием древнетюркских диалектов.

Корневая морфема в древнетюркском языке является активным участником акта словотворчества, представляя собой производящую основу в образовании производных слов со словообразовательными аффиксами. Производность корневой морфемы раскрывается и в образовании сложных, парных слов и сочетаний слов, типологически присущих для тюркских языков и в диахронии, и в синхронии.

Received 11 January 2022. Revised 10 February 2022. Accepted 07 March 2022. Available online 31 March 2022.

For citation:

Shaimerdinova N.G. A root morpheme in the Old Turkic language // Turkic Studies Journal. – 2022. – Vol. 4. – No 1. – P. 95-108. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-1-95-108>

Для цитирования:

Шаймердинова Н.Г. Корневая морфема в древнетюркском языке // Turkic Studies Journal. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 95-108. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-1-95-108>

Введение

Древнетюркский язык, сформированный на базе северного, южного и смешанного диалектов, является наддиалектным субстратом, обобщенным языком. Процесс этой исторической языковой эволюции Э.Р. Тенишев обосновывает следующим образом: есть основания полагать, что тюркоязычными племенами задолго до употребления рунического письма был выработан свой вариант обобщенной речи, стоящий над диалектами, которым могли пользоваться в устно-поэтической практике, во время публичных выступлений и обрядовых действий. С появлением у тюрков рунического письма устное койне оформилось в стройную литературную норму, получившую общественное признание и распространение в древнетюркском государстве [1, с. 178]. В современной тюркологии древнетюркский язык именуется как «общий письменный литературный язык древнетюркского общества», «рунический литературный язык», «стандартный язык официального повествования», «тюркское руническое койне», «эпитафийные надписи на камнях».

Несмотря на достаточную изученность древнетюркского литературного языка, существует немало лакун и «белых пятен» в исследовании ее системы, к числу которых следует отнести морфемную структуру тюркского слова, которая до настоящего времени рассматривалась непоследовательно, фрагментарно, когда исследования затрагивали лишь так называемую сферу первичных или моносиллабических корней, либо ограничивались сферой способов словообразования. Изучение морфемно-деривационной системы древнетюркского языка актуально и востребовано для определения его статуса как литературного языка, а значит и развития древнетюркской письменности, в частности, и древнетюркской цивилизации, в целом.

Материалы и методы исследования

Основными материалами для исследования послужили нарративные тексты классических Орхонских памятников, таких, как Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Онгинский памятник, Бугитинский мемориал, а также некоторые тексты неклассических Енисейских, Алтайских, Таласских (Семиреченских) памятников. В качестве материалов исследования привлечены и переводные тексты рунических памятников, изложенные в работах П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова, А.С. Аманжолова, Г. Айдарова и других ученых.

Для исследования древней структуры тюркского слова, его главной единицы – корневой морфемы, используется комплекс приемов и средств методологии научного анализа, присущий интегративной тюркологии, к числу которых относятся ссылки на историко-культурные источники, методы и приемы лингвистической тюркологии, общенаучная методология. Несомненно, важным для данной статьи являются структурный анализ тюркского слова, компонентный анализ, используемый для определения вариативности корневой морфемы, семантико-деривационный анализ в изучении актов словотворчества.

Степень изученности темы

Со дня дешифровки рунических текстов (В. Томсен, В. Радлов) язык рунических памятников достаточно хорошо изучен в части графической, фонетико-фонологической, лексической, морфологической. Как было отмечено выше, морфемно-derivационная система древнетюркского языка оставалась без должного внимания, на наш взгляд, в силу ряда объективных причин. Во-первых, до сороковых годов XX века морфемно-derivационная система во многих языках, в т.ч. и в тюркологии, рассматривалась как часть морфологии, отпочкование от которой произошло лишь в середине прошлого века. В силу этого вопросы морфемно-derivационной системы древнетюркского языка не были объектом специального исследования. Во-вторых, изучение структуры древнего слова, его derivационные возможности рассматривались в лингвистической тюркологии чаще всего в аспекте реконструкции метаязыка, структуры пратюркского слова в части его слогового состава, первичных корней моносиллабов (типа CV, VC), глагольно-именного синкретизма, чему были посвящены работы Э.В. Севортыяна, И.В. Котвича, А. Зайончковского, Н.А. Баскакова, Б.М. Юнусалиева и др. [2; 3; 4; 5; 6]. Подобные вопросы древнего тюркского слова рассматриваются и в грамматике тюркских рунических памятников А.Н. Кононова, где в разделе «Структура тюркских корневых морфем» изложены фонетическая структура корня, вопросы первичных корней-основ, глагольно-именная омонимия [7, с. 74-82]. В работах казахстанских ученых (А. Кайдаров, А. Хасенова, А. Ибатов, Ж. Манкеева) вопросы реконструкции общетюркских форм слова рассматриваются в контексте казахского и уйгурского языков, древнего смешанного синкретизма, реконструкции глагольных основ, в т.ч. императивных форм [8; 9; 10]. В отличие от них Е. Кажибек осуществляет семантико-семасиологический анализ природы тюркского слова в плане межуровневой сопряженности языковых единиц [11, с. 3-64].

Анализ

Структура тюркского слова и знаковость корневой морфемы. Изучение структуры древнетюркского слова, на наш взгляд, является продуктивным с позиции понимания роли исторических языковых явлений, определения морфемы как знаковой единицы, а также использования новых современных данных морфемики, что позволяет раскрыть характерные особенности компонентного состава древнетюркского слова. Структура древнего слова, безусловно, отличается от структуры современного тюркского слова вариативностью фонемного состава корневой морфемы, недостаточностью морфонологических явлений. Тем не менее, агглютинативный характер тюркского слова, корпус корневой и аффиксальных морфем, их значения и функции сформированы в древнетюркскую эпоху, возможно, даже еще раньше, что, несомненно, еще раз является доказательством развития литературного древнетюркского языка.

Исследуя тексты рунических памятников, мы выявили, что в эпоху древнетюркских каганатов, особенно позднего тюркского каганата (630-744 гг.) функционировала полноценная структура тюркского слова, которая состояла из корневых и посткорневых служебных морфем. Некоторые служебные морфемы, участвуя в акте словопроизводства, формируют derivационную систему древнетюркского языка (словообразовательные аффиксы); другие же, образуя грамматические формы и грамматические категории, представляют морфологическую систему языка (словоизменяющие и формообразующие аффиксы). Исходя из вышеизложенного, компонентный состав древнетюркского слова мы определяем следующим образом (см. ниже рис.1):

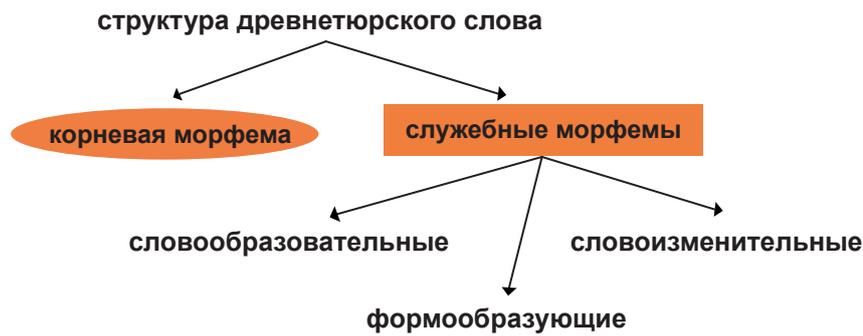

Рис. 1.

Структура древнетюркского слова

На наш взгляд, корневая морфема в древнетюркском языке – знаковая единица, ибо, как и слово, и язык, в целом, кодирует, представляет информацию об окружающем мире. Планом выражения, т.е. материальной стороной морфемы, в устной речи является звук и звукоряд, в письменной речи буква и букворяд. Планом содержания (т.е. идеальной стороной) корневой морфемы является информация об окружающем мире и действительности, природе, социуме, человеку. Связь между формой и содержанием корневой морфемы условна, хотя есть некоторые мотивированные знаки. Информативное содержание корня проявляется в его лексическом значении (Ч. Пирс, А. Ричардс, Ч. Огден, Дж. Лайонз, Ч. Моррисс, Ю.Д. Апресян, А.А. Уфимцева, М.А. Кронгауз, И.М. Кобозева) [12; 13; 14; 15; 16]. Не случайно, в современной лексикологии прямое лексическое значение слова представляется как структурированная информация, включающая в себя предметную соотносённость слова с действительностью, его признаковые свойства, эмоционально-экспрессивную окрашенность слова и его сочетаемостный потенциал. Такая информация состоит из денотативного, сигнификативного, коннотативного компонентов и синтагматической сочетаемости.

Корневая морфема, в т.ч. корневая морфема древнетюркского языка, выражает лексическое значение слова, и это значение, по сравнению со значениями аффиксов, является единичным и конкретным. Например: *қаған* 𐰇𐰣𐰆𐰢 «верховный правитель древнетюркского государства»; *білге* 𐰇𐰏𐰏𐰢 «мудрый, знающий», где корень *біл* «знать»; *бег* 𐰇𐰏𐰢 титул; *буң* 𐰇𐰏𐰢 «печаль»; *екі-нті* 𐰇𐰏𐰢𐰏𐰢 «второй», где корень *екі* «два» в сочетании со словообразовательным аффиксом -нті; *іні-м* 𐰇𐰏𐰢𐰏𐰢 «мой младший брат», где корень *іні* «младший брат» в сочетании с формообразующим аффиксом притяжательности -м; *анта* 𐰇𐰏𐰢 «там»; *тоқ* 𐰇𐰏𐰢 «сытый»; *отуз* 𐰇𐰏𐰢 «тридцать»; *қатун* 𐰇𐰏𐰢 «жена кагана»; *келті* 𐰇𐰏𐰢 «пришел», где корень *кел* в сочетании с формообразующим аффиксом времени -ті; *сіні* 𐰇𐰏𐰢 «тебя», где корень *сін* в сочетании с словоизменятельным аффиксом -і и т.д. Значения указанных корней единичны, конкретны и индивидуальны. Л.К. Жаналина пишет, что значение корня является конкретным и участвует в формировании лексического значения, которое индивидуализирует слово. Аффиксальные морфемы имеют более отвлечённые, абстрактные значения, в соответствии с которыми слова и словоформы разводятся по разным словообразовательным и грамматическим классам (части речи, морфологические категории) классам [17, с. 26]. К этому высказыванию следует добавить, что корневая морфема древнетюркского языка – эта обязательная часть слова, без корня слова не бывает, в то время как без аффиксальных морфем слово может обойтись.

Корневая морфема в древнетюркском языке исследуется нами в трех аспектах, а именно, с точки зрения сохранения в ней исторических реликтов, с позиции непроемкости и

производности тюркского слова, что наиболее полно отражает функциональную значимость древнетюркского корня. Систематизация в данном ракурсе представляется следующим образом:

- исторические реликты пратюркского корня (первичные «мертвые корни», глагольно-именной синкретизм);
- непроечные корни с точки зрения звуков - фонемного состава, «новая модель корня» и многообразии корней;
- производящие корни: 1) со словообразовательными аффиксами; 2) сложные, парные и составные корни. См. рис. 2

Рис. 2.

Древнетюркская корневая морфема

Исторические реликты корневой морфемы. К историческим особенностям корневой морфемы следует отнести, прежде всего, наличие глагольно-именного синкретизма, в результате которого наблюдается омонимия корней, широко освещённая в тюркологической науке. Как-то: «первичность именных и глагольных основ в алтайских языках ввиду их древности установить невозможно» (Г. Рамстедт); «синкретичные слова отражают древнейший полисемантизм» (И. Батманов); «в тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначал и предмет, и действие, т.е. был синкретичным» (А. Щербак); «основы затемненным морфологическим составом» (Э. Севортян); «скрытый и смешанный синкретизм омонимичных корней» (А. Кайдаров, А. Ибатов). П.М. Мелиоранский писал: <...> «в древности разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено в турецких языках, как теперь, что есть и теперь корни, имеющие двойное значение – глагольное и именное» [20, с. 18]. Например, *жар* «рассекай», *жар* «любимый/муж/жена», а также жар «обрыв»; *той* «насыщайся», *той* «пир»; *тын* «дыхание», *тын* «отдыхать»; *ой* «мысли/думы», *ой* «впадина/яма»; *көш* «кочевка», *көш* «переезжать/кочевать» и т.д.

Другим историческим реликтом древнетюркского корня являются остатки первичных корней, «мертвых» корней, «односложных лексических основ», «односложных корней-основ» (В. Котвич, А. Зайончковский, Н.А. Баскаков, А. Н. Кононов, Ж. Манкеева). Первичные корни, так называемые моносиллабы состояли либо из согласный + гласный (CV), либо гласный + согласный (VC). Например: *to, ja, qa, jü, al, sa, ke, ba, as, ko, ke/ki; to/tu; qo/qa; ja/jo; ju/ jü it, ir, er* и т.д. В некоторых рунических текстах моносиллабы еще встречаются: ай- 'говорить' (Тон. 31,32); ыд- 'посылать' (КТМ.2); ба- 'связывать' (Тон. 41, МЧ. 265); сы- 'ломать, разрушать' (КТМ. 11) [21, с. 18-51].

Позже к моносиллабам *ke/ki; to/tu; qo/qa; ja/jo; ju/ jü* и т.п. присоединился компонент служебной морфемы, образуя корень нового типа: *ke + l* 'приходить', *ke + s* 'резать', *ke + t* 'уходить', *ke + r* 'растягивать', *ki + r* 'входить', *ki + j* 'одеться'; *to + j* 'насыщаться', 'пир', *to + q* 'сытый', *to + z* 'истощиться', *to + s*; *qo + d / qo + b / qo + j* 'класть'; *ja + n* 'гореть'; *ja + q* 'зажигать'; *jo + r* 'идти', *ja + z* 'расти' и т.д.

Образование корня новой модели А.Н. Кононов обосновывает так: «конечные согласные *q, k, l, r, n, t, s~c, z~s* в трехфонемных (CVC) и двухфонемных (CV) корнях-основах являются залоговыми показателями, которые вошли в состав корневых морфем, образовав базу – новый тип корня, не поддающийся в сознании носителей языка членению на составляющие» [7, с. 78].

Непроизводные корневые морфемы. Появление нового типа корней стало одним из факторов развития тюркского слога, а значит и звуко-фонемной эволюции древнетюркского корня. Исследования рунических текстов показали, что в древнетюркском языке была развита система непроизводных корней, разнообразных по звуковому составу – односоставные, моносиллабы, трех/четырёх/пяти/шестисоставные в их различных вариантах. Например:

односоставные: *ö* «думать», *i* «растение, запах»;

моносиллабы: *он* 𐰽𐰺 «десять», *өд* 𐰽𐰺 «время», *бу* 𐰽𐰺 «этот»; *не* 𐰽𐰺 «что»;

трехсоставные: *апа* 𐰽𐰺𐰽 «родственник, родственница», *алт* 𐰽𐰺𐰽 «батыр», *шад* 𐰽𐰺𐰽 титул, *көк* 𐰽𐰺𐰽 «голубой», *қар* 𐰽𐰺𐰽 «снег»;

четырёхсоставные: *учды* 𐰽𐰺𐰽𐰽 «умер», *анча* 𐰽𐰺𐰽𐰽 «столько», *оглы* 𐰽𐰺𐰽𐰽 «сын», *йоры* «кочевать», *кіші* «человек»;

пятисоставные: *болты* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽 «был», *бодун* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽 «народ», *йагру* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽 «приблизиться», *ачсық* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽 «голод», *қырық* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽 «сорок», *Теңгі* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽 , *йазық* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽 «равнина», *чыгай* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽 «бедный», *беңгү* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽 «вечный»;

шестисоставные: *ілгеру* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽𐰽 «вперед», *балбал* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽𐰽 , *алпагу* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽𐰽 «батыр», *Өтүкен* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽𐰽 топоним;

семисоставные: *йүкүнті* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽 «склонил», *алматын* 𐰽𐰺𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽 «не принимал, не брал» и т.п.

Многобразие и пути эволюции древнетюркского корня в свое время отмечал и В. Котвич: «... в большинстве случаев алтайские корни были односложными, однако путем нормальной эволюции они превращались в двусложные и даже трехсложные. Многие двусложные и трехсложные корни и основы возникли, по-видимому, морфологическим путём, и их теперь нельзя разложить» [3, с. 36].

В непроизводных корнях древнетюркского языка имеется еще один отличительный признак, в частности, **вариативность фонемного состава корневой морфемы**, что нехарактерно для непроизводных корней в более поздние эпохи и современных тюркских языков (ср. каз. *қала, қалалар, қалаларымыз, қалада, қалашық* и т.д.). В древнетюркских непроизводных корнях часто встречаются фонемные изменения или фонемные варианты: *ил/ел* «государство», *ир/эр/ер* «муж-воин», *оруна/орна* «место, помещать», *кобуз/кобса*

«кобуз, играть»; *бен/мен* «я», *сен/син* «ты», *ол/ул/у* «он»; *мын/мин/мен/мун/мүн* «тысяча», *эки/ики* «два», *елиг/илиг/элиг* «пятьдесят» и т.д. и т.п.

Несмотря на то, что диффузность древнетюркского корня была отмечена в ряде работ, до сих пор нет однозначного ответа. Некоторые из исследователей сводят корневые изменения к «внутренней флексии», к древнему способу словообразования, путем изменения корневых фонем (Э. Севортян, Н.А. Баскаков, А.Н. Кононов). А.Н. Кононов пишет: «структура корня изменяется в зависимости от ряда обстоятельств, и, в первую очередь, от сохранения или угасания словотворческой способности отдельных формантов» [7, с. 76]. Другие считают, что изменения корней обусловлено семантическим членением основы (Батманов), фоносемантическими процессами в историческом изменении слова (Е. Кажибеков) [11, с. 28].

На наш взгляд, некоторые фонемные изменения корневой морфемы можно объяснить архаичностью праформ, процессом исторического развития фонем, либо историческим диалектным влиянием. Так, из двух вариантов местоимения 1 л. ед.ч. Г. Рамстедт доказывает, что *мен* более архаична, чем *бен* [18, с. 69]. Если же брать *мен/мэн/мин*, то, по мнению И.А. Батманова, «мин» сохраняет более древние черты, чем «мен» и «мэн» суть продукты последующих изменений [19, с. 71]. Поэтому гласная и верхнего подъема, архаичнее гласной е среднего подъема, известно, что губные у, ү ү более архаичны, чем негубные а, ä, е, ï, î. Таким образом, можно обосновать фонетические варианты *сен/син*; *мун/мүн* и *мын/мин/мен*; *елиг/илиг*; *ил/ел*; *ир/эр/ер* и многие другие диффузные непроезвонные корни в рунических текстах.

Нельзя не согласиться с тем, что фонемные изменения корня обусловлены словообразованием и формообразованием. Например, *бен* «я», *бана* «мне» Д.п.; *сиз* «вы» *сине* «вам» Д.п.; *сиз/сизиме* «вам моим» – образование притяжательной формы; *оло/олар* «они» – образование формы мн. числа. До сих пор в кыпчакской группе тюркских языков эти фонемные изменения корня имеют место (ср. каз. *мен/маған*, *сен/саған* и т.п.). Приведем иллюстрации на изменения фонем корня при словообразовании, которые наблюдается при образовании отыменных глаголов: *оруна* – *орна* «место – помещаться», *јашың* – *јашина* «молния – сверкать», *јагыры* – *јагры* «ссадина – покрываться ссадиной», *кобуза* – *кобза* «кобуз – играть на нем» и т.д. [20].

Производящие корневые морфемы. Универсальным признаком древнетюркского корня является его способность быть активным участником аффиксального словопроизводства, *подобные корни следует определять как производящие* [21, с. 78]. В текстах памятников Кюль-тегин, Бильге каган, Тоньюкук, Кули-чор, Онгинского памятника много производных корней, которые демонстрируют акт словопроизводства: *ат* → *атлыг*, *сыгыт* → *сыгытчы*, *айгу* → *айгучы*, *еки* → *екінті*, *йел* → *йелме*, *киш* → *кишлак* «зимовка», *сү* → *сүледім* «воевать» и т.д. В каждой словообразовательной паре производные *атлыг*, *сыгытчы*, *айгучы*, *екінті*, *сүледім* имеют формальную и семантическую связь с производящими основами *сыгыт*, *ат*, *еки*, *йел*, *киш*, *сү* и при помощи словообразовательных аффиксов *-лыг*, *-чы*, *-нт*, *-ме*, *-лак*, *-лан* образуют новые мотивированные слова. Если *ат* – лошадь, то *атлыг* «имеющий лошадь», *сыгыт* «плакать» – *сыгытчы* «тот, кто оплакивает», *еки* означает «два» – *екінті* – порядок при счете, «второй по счету»; *йел* «разведывать», «выявлять» – *йелме* означает процесс, в частности, «делать разведку», *киш* «зима» – *кишлак* «зимовка», или зимнее стойбище древних тюрков; *сү* «войско» – *сүледім* «я воевал» (в значении длительного процесса): *Темир қақапага дейін сүледім* «Воевал, дошёл до самого Темир капыга». Исследование показывает, что в рунических текстах можно выявить производные корни всех частей речи: имён, местоимений, глагола с присущими ими словообразовательными дериватами.

Древнетюркский корень функционален и не только со словообразовательными аффиксами, но и с другими дериватами, в частности при образовании сложных, парных и составных моделей. Сюда относятся *сложные корневые модели, парные слова, модели составных корней*.

Сложные корневые модели можно разделить на глагольные и именные. Сложные корни в глаголах обусловлены наличием вспомогательных глаголов, которые вкупе с основным глаголом передают лексическое значение сложного глагола, например: *кергек бол* «скончаться» *Інім Күлтегін кергек болты* «Мой младший брат Кюль-тегин скончался»; *жоқ бол* «погибать, умирать» *Тюрк будун жоқ болмысын* «Да, не погибнет тюркский народ»; *жоқ қыл* «уничтожить, истребить» *Жотузын жоқ қылтым* «Их женщин я уничтожил» и т.п. [22].

В именах существительных, числительных сложные корни образованы слиянием либо сокращением двух односложных корней, каждый из которых сохраняет свое лексическое значение, например: *Ильтерес, егритебі* «ковер», *Тоңқуқ, тоқкузон* «девятисто», букв. «девять по десять», *сегізон* «восемьдесят», букв. «восемь по десять». Как считает И.А. Батманов, современные тюркские языки, такие, как хакасский, горно-алтайский, якутский с некоторыми фонетическими изменениями до сих пор сохранили эти древнетюркские сложные числительные: *якут. агыс уон* (80), *тогус он* (90); *хакас. сизгон* (80), *тогызон* (90); *горно-алт. сегизен* (80), *тогузон* (90) [7, с. 76]. В других тюркских языках эти числительные стали сложносокращенными, и семантика корневой морфемы утратила семантическую прозрачность, так, в каз. *сексен, тоқсан*; к.-калп. *сексен, тоқсан*; кирг. *сексен, тоқсон*; татар. *сиксэн, туксан*. Таким образом, можно определить и семантику других сложных имён, *Ильтерес/ Ельтөресі*, известно, так называли Кутлук кагана, основателя позднего тюркского каганата, где *иль/ель* означает «государство», *терес/торес* «власть», дословно «тот, кто возглавляет», «правит государством» [23, с. 153].

Парные корневые модели также представляют особенность древнетюркской корневой морфемы, и они чрезвычайно распространены в рунических текстах, раскрывая картину мира древних тюрков: *Јер-суб* «родина», букв. «земля-вода»; *уч-құрықан, пар-пурумы, ічі-тысы* «внутри» *Кюль-тегин, Улуг-Иркинь, қатун-кутын* «мать-катун», *шад-апыт* «воинский титул» [20, с. 67]; *аркіш-тіркіш* «посольства и караваны», *јадақын- јалықын* «пешие и босые», *оқушым-будуным* «мой народ» и т.д. и т.п. [20; 22, с. 48]. В семантике парных корней заложена обобщенность значений двух парных слов, более того, парные слова связаны с ментальностью тюрков, образностью их мышления, способностью к словотворчеству. До сих пор в казахском языке парные слова проявляются как акт импровизации, словесного искусства: *әке-шеше, ата-ана* «родители», *бала-шага* «детвора», *анау-мынау* «кто-то», *қатын-қалаш* «домочадцы» и т.д.

Одними из самых распространенных в текстах являются **составные корни**, обозначая этнонимы, топонимы, антропонимы, социальные отношения и многое другое – *отуз татары, төрт булуң* «четыре угла», *көк тюрк* «голубые турки», *мәңгі ел* «вечное государство», *Баз каган, Күтлық каган, Бильге каган, түрк будун* «тюркский народ», *жоқ чықай* «бедняк», *Темір қапыг* «Железные ворота», *Кадырқан жыш* «Кадырканская чернь», *Шатун жық* «Шатунская равнина», *Өтюкен жыш* «Отюкенская чернь», *Жір Байырқу* «Земля Байырқу», *қара құмыг* «черные пески», *ічін ташан* «внутри и снаружи»: *Қара құмыг олурур*. «Мы жили в черных песках», *Қапаган каган жерінде* «На земле Капаган кагана» [22; 24; 25].

Полученные результаты

1. Древнетюркский литературный язык, сформированный на базе диалектов, является обобщенным языковым стандартом, которым пользовались многие тюркские племена и союзы племен в эпоху древнетюркских каганатов.

2. В отличие от аморфной структуры пратюркского слова древнетюркский язык в VI – X веках н.э. имел полноценную структуру слова, в котором четко различались функции и значения корневых и аффиксальных морфем. Аффиксальные морфемы, формируя сферу деривации и морфологии, делятся на словообразовательные, словоизменительные и формообразующие.

3. Корневая морфема – главный и обязательный компонент древнетюркского слова, без корня слова не бывает. В то же время корневая морфема – знаковая единица, поскольку как единица языковой системы она кодирует информацию об окружающем мире. Материальной стороной корневой морфемы в устной речи является звук и звукоряд, в письменной речи – буква и букворяд. Идеальной стороной корневой морфемы является информация об окружающем мире: природе, социуме и человеке. Информативное содержание корня проявляется в его лексическом значении, конкретном, единичном и индивидуальном, что подтверждают лексемы из рунических текстов.

4. Корневая морфема рассматривается нами в трех аспектах: с позиции сохранения исторических реликтов, непроизводности и производности слов. К историческим реликтам следует отнести древнейшие формы пратюркского языка, такие, как глагольно-именной синкретизм, первичные корни-основы или моносиллабы, остатки которых наблюдаются в рунических текстах.

5. Появление в древнетюркскую эпоху корней нового типа, трехсоставных, стало одним из факторов развития тюркского слога, фонемной эволюции древнетюркского корня, вследствие чего в руническом языке появилось множество непроизводных корней, разнообразных по звуковому составу от односоставных до семисоставных. Особенностью древнетюркского корня является фонемная вариативность, обусловленная влиянием праформ и диалектов.

5. Универсальным признаком древнетюркского корня является его способность быть активным участником аффиксального словопроизводства, что подтверждается словообразовательными возможностями корней. Древнетюркский корень в акте словопроизводства широко функционирует в сложных, парных и составных моделях, раскрывающих его словообразовательный потенциал.

Выводы

Древнетюркский литературный язык, возникший на базе древних тюркских диалектов, является обобщенным стандартным языком, коммуникативным средством общения тюркских племен в эпоху древнетюркских каганатов.

Несмотря на достаточную изученность внутренней языковой системы литературного древнетюркского языка, его морфемно-деривационная система на протяжении длительного времени оставалась вне поля научных изысканий.

В данной статье рассматривается структура древнетюркского слова, в частности, корневая морфема, определяется его статус как знаковой единицы, кодирующей информацию об окружающей действительности. Потенциал древнетюркской корневой морфемы раскрывается с точки зрения сохранения в ней исторических остатков праформ, их синкретичности, а также с позиции непроизводности и производности тюркского слова. Все теоретические выкладки автора подтверждаются иллюстрациями из текста рунических памятников.

Литература

1. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р.Тенишев. Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006. – 304 с.
2. Севортыян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М: Наука, 1974. – 754 с.
3. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. Перевод с польского. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 367 с.
4. Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. Глагольные основы моносиллабические (односложные), типа C+V// Вопросы языкознания. – 1961. – №2. – С. 28-35.
5. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1969. – 384 с.
6. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология. Ч.1. Развитие корневых слов. – Фрунзе: Наука, 1959. – 178 с.
7. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических письменных памятников VII-IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.
8. Хасенова А.К. Глагольные основы казахского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Алма-Ата, 1988. – 69 с.
9. Ибатов А.М. Морфемная структура казахского слова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Алма-Ата, 1988. – 56 с.
10. Манкеева Ж.А. Реконструкция первичных корней глагольных основ казахского языка. – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 154 с.
11. Кажыбеков Е. Семантика тюркского слова. Проблемы межуровневой сопряженности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Алма-Ата, 1988. – 64 с.
12. Ogden C., Richards I. The Meaning of Meaning. Philosophical Review. – N.Y., 1927. – 396 p.
13. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1977. – 235 с.
14. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. Изд. 2-е стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
15. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. 2-е изд. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
16. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – 352 с.
17. Жаналина Л.К. Сопоставительное словообразование русского и казахского языков. – Алматы: Республиканский издательский кабинет Казахской академии образования им. Ы.Алтынсарина, 1998. – 153 с.
18. Рамстедт Г. Введение в алтайское языкознание. Морфология. пер с нем. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – 233 с.
19. Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе: Издательство Академии наук Киргизской ССР, 1959. – 218 с.
20. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1899. – 145 с.
21. Шаймердинова Н.Г. «Киргизско-русский словарь» (1897): культурные и языковые экспликации // Turkic Studies Journal. Vol.1 № 1 2019. – Nur-Sultan, 2019. – P. 73-88.
22. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л: Издательство АН СССР, 1951. – 455 с.
23. Шаймердинова Н.Г. Когнитивная семантика древнетюркских Орхонских текстов. – Астана: ЕНУ, 2007. – 248 с.

24. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников (пер. Н. Шаймердиновой и др.). – Астана: Күлтегін, 2006. – 360 с.

25. Айдаров Ф. Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі. – Алматы: Мектеп, 1986. – 182 б.

Reference

1. Tenishev E.R. Izbrannye trudy. E.R.Tenishev. Kniga pervaya [Selected works. E.R. Tenishev. The first book]. Ufa, Gilem, 2006. 304 p. [in Russian].

2. Sevortyan E.V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov (obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) [Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common Turkic and Inter-Turkic stem into vowels)]. Moscow, Izdatel'stvo «Nauka», 1974. 754 p. [in Russian].

3. Kotvich V. Issledovaniya po altajskim yazykam. Perevod s pol'skogo [Studies in Altaic languages. Translation from Polish]. Moscow, Izdatel'stvo «Inostrannoj literatury», 1962. 367 p. [in Russian].

4. Zaionchkovskij A. K voprosu o strukture kornya v tyurkskih yazykah. Glagol'nye osnovy monosillabicheskie (odnoslozhnye), tipa C+V [On the question of the structure of the root in the Turkic languages. Verbal stems are monosyllabic (monosyllabic), type C+V]. In: Voprosy yazykoznaniya [Questions of Linguistics]. 1961. №2. P. 28-35. [in Russian].

5. Baskakov N.A. Vvedenie v izuchenie tyurkskih yazykov. Izd. 2-e, ispr. i dop [Introduction to the study of Turkic languages. Ed. 2nd, correc. and suppl.]. Moscow, Vysshaya shkola, 1969. 384 p. [in Russian].

6. Yunusaliev B.M. Kirgizskaya leksikologiya. Ch.1. Razvitie kornevyyh slov [Kyrgyz lexicology. Part 1. The development of root words]. Frunze, Nauka, 1959. 178 p. [in Russian].

7. Kononov A.N. Grammatika yazyka tyurkskih runicheskikh pis'mennykh pamyatnikov VII-IX vv. [Grammar of the language of the Turkic runic written monuments of the 7th-9th centuries]. Leningrad, Nauka, 1980. 255 p. [in Russian].

8. Hasenova A.K. Glagol'nye osnovy kazahskogo yazyka. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk [Verb bases of the Kazakh language. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Alma-Ata, 1988. 69 p. [in Russian].

9. Ibatov A.M. Morfemnaya struktura kazahskogo slova. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk [Morphemic structure of the Kazakh word. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Alma-Ata, 1988. 56 p. [in Russian].

10. Mankeeva Zh.A. Rekonstrukciya pervichnyh kornej glagol'nyh osnov kazahskogo yazyka [Reconstruction of the primary roots of the verbal stems of the Kazakh language]. Alma-Ata, «Gylym», 1991. 154 p. [in Russian].

11. Kazhibekov E. Semantika tyurkskogo slova. Problemy mezhurovnevoj sopryazhyonnosti. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk [Semantics of the Turkic word. Problems of interlevel conjugacy. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Alma-Ata, 1988. 64 p. [in Russian].

12. Ogden C., Richards I. The Meaning of Meaning. Philosophical Review. N.Y., 1927. 396 p.

13. Laionz Dzh. Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku [Introduction to theoretical linguistics]. Moscow, Progress, 1977. 235 p. [in Russian].

14. Ufimceva A.A. Tipy slovesnyh znakov. Izd. 2-e stereotipnoe [Types of word marks. Ed. 2nd stereotypical]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 208 p. [in Russian].

15. Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy. T.I. Leksicheskaya semantika. 2-e izd [Selected works. T.I. Lexical semantics. 2nd ed.]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1995. 472 p. [in Russian].

16. Kobozeva I.M. Lingvisticheskaya semantika [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS, 2000. 352 p. [in Russian].

17. Zhanalina L.K. Sopostavitel'noe slovoobrazovanie russkogo i kazahskogo yazykov [Comparative word formation of Russian and Kazakh languages]. Almaty, 1998. 152 p. [in Russian].
18. Ramstedt G. Vvedenie v altajskoe yazykoznanie. Morfologiya. per s nem. [Introduction to Altaic linguistics. Morphology. Transl. from Germ.]. Moscow, 1957. 233 p. [in Russian].
19. Batmanov I.A. Yazyk enisejskih pamyatnikov drevnetyurkskoj pis'mennosti [The language of the Yenisei monuments of ancient Turkic writing]. Frunze, Izdatel'stvo Akademii nauk Kirgizskoj SSR, 1959. 218 p. [in Russian].
20. Melioranskij P.M. Pamyatnik v chest' Kyul'-tegin [Monument in honor of Kul-tegin]. Sain-Petersburg, Tipografiya imperatorskoj Akademii nauk, 1899. 145 p. [in Russian].
21. Shaimerdinova N.G. «Kirgizsko-russkij slovar'» (1897): kul'turnye i yazykovye eksplikacii [«Kyrgyz-Russian Dictionary» (1897): cultural and linguistic explications]. In: Turkic Studies Journal. Vol.1 № 1 2019. Nur-Sultan, 2019. P. 73-88. [in Russian].
22. Malov S.E. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti. Teksty i issledovaniya [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and studies]. Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. 455 p. [in Russian].
23. Shaimerdinova N.G. Kognitivnaya semantika drevnetyurkskih Orhonskih tekstov [Cognitive semantics of ancient Turkic Orkhon texts]. Astana, ENU, 2007. 248 p. [in Russian].
24. Zholdasbekov M., Sartkozhauly K. Atlas Orhonskih pammyatnikov (per. N. Shaimerdinovoj i dr.) [Atlas of the Orkhon Monuments (translated by N. Shaimerdinova and others)]. Astana, Kultegin, 2006. 360 p. [in Russian].
25. Aidarov G. Kone turki zhazba eskertkishterinin tili [The language of ancient Turkic written monuments]. Almaty, «Mektep», 1986. 182 p. [in Kazakh].

Н.Г. Шаймердинова

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы
(E-mail nurila1607@mail.ru)*

Көне түркі тіліндегі түбір морфема

Аннотация. Көне түркі әдеби тілі көне түркі диалектілері негізінде қалыптасты. Көне түркі қағанаты дәуірінде руникалық жазбалар тілін әдеби тіл ретінде бірқатар түркі тайпалары мен тайпа одақтары – қыпшақтар, оғыздар, ұйғырлар, түргештер, қырғыздар пайдаланды. Көне түркі әдеби тілінің ішкі құрылымы графикалық, фонетика-фонологиялық, лексикалық, морфологиялық салаларда тыңғылықты зерттелді. Алайда тілдің морфема-деривациялық жүйесі жартылай және толық емес зерттелді деуге болады. Мақаланың мақсаты – көне түркі сөздерінің, оның ішінде түбір морфеманың құрылымын ашу. Көне түркі сөзінің құрылымы сөз тудырушы, сөз түрлендіруші және форма тудырушы түбір және аффиксті морфемалардан тұрады. Түбір морфема – сөздің лексикалық мағынасы туралы ақпарат беретін таңба бірлігі. Көмекші морфемалардың абстрактылы мағыналарына қарағанда түбірдің мағынасы дара және нақты болады. Көне түркі тілінің түбір морфемасы қазіргі түркі тілдерінің түбір морфемаларынан сан түрлілігімен және ең алдымен тарихи жәдігерлердің, бастапқы моносиллабтардың және етістік-атаулы синкретизмнің сақталуымен ерекшеленеді. Түркі сөзі құрылымының тарихи дамуы барысында моносиллаб негізінде түбірдің жаңа үлгісі пайда болады. Сонымен қатар көне түркі тілінде үш/төрт/бес/алты буынды туынды емес түбірлердің көптеген түрлері де қызмет атқарған, бұл туынды емес түбірлердің мүмкіндіктерін аша түседі. Көне түркі түбірінің тағы бір ерекшелігі оның дыбыстық-фонемалық құрамының құбылмалылығында (ил/ел; ир/ер/ер; бен/мен, сен/син, ол/ул/у; мын/мин/мен/мун/мун, т.б.), бұл қазіргі түркі тілдерінің

түбір морфемаларына тән емес. Мұндай диффузиялық өзгерістер негізінен праформалардың көнелігіне және көне түркі диалектілерінің ықпалына тікелей байланысты.

Көне түркі тіліндегі түбір морфема сөзжасамдық аффикстер арқылы туынды сөздердің жасалуында сөз тудырушы негізді білдіретін сөзжасам әрекетінің белсенді қатысушысы. Түбір морфеманың туынды түрі түркі тілдеріне типологиялық жағынан диахронияға да, синхронияға да тән күрделі, жұп сөздер мен сөз тіркестерінің жасалуында айқындалады.

Аталған мақалада автор көне түркі сөз құрылымындағы түбір морфемалар туралы жоғарыда сөз болған мәселелерді кеңінен ашып көрсетуге тырысады.

Кілт сөздер: көне түркі әдеби тілі, тілдік жүйе, сөз құрылымы, түбір морфема, таңбалық қасиет, тарихи деректер, түбірлер, баламалылық, туынды түбір морфемалар.

N.G. Shaimerdinova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

(E-mail nurila1607@mail.ru)

A root morpheme in the Old Turkic language

Abstract. The old Turkic literary language was formed on the basis of ancient Turkic dialects. In the era of the ancient Turkic kaganates, the language of runic inscriptions as a single literary language was used by various Turkic tribes or unions of tribes – Kipchaks, Oghuz, Uighurs, Turgesh, Kirghiz. The internal structure of the old Turkic literary language has been sufficiently studied in terms of graphic, phonetic-phonological, lexical, morphological. However, the morpheme-derivative system of the language has been studied fragmentarily and inconsistently. The purpose of this article is to consider the structure of the old Turkic word, in particular, the potential of the root morpheme. The structure of the old Turkic word consists of a root and affixal morphemes, differentiated into derivational, inflectional and formative. A root morpheme is a sign unit, the content of which is encoded information embodied in the lexical meaning of the word. The meaning of the root is singular and concrete, in contrast to the abstract meanings of auxiliary morphemes. The root morpheme of the old Turkic language differs from the root morphemes of modern Turkic languages in a number of ways, and above all in the preservation of historical relics, primary monosyllabic and verb-nominal syncretism. In the process of the historical development of the structure of the Turkic word on the basis of monosyllabic, a new model of the root appears, along with which many types of non-derivative roots, three/four/five/six-syllable/seven-syllabic, function in the old Turkic language, which reveals the potential of non-derivative Turkic roots. Another feature of the old Turkic root is the variability of its sound-phonemic composition ((ил/ел; ир/эр/ ер; бен/мен, сен/син, ол/ул/у; мын/мин/мен/мун/мүн) il/el; ir/er/er; ben/men, sen/sin, ol/ul/u; myn/min/men/mun/mun), which is uncharacteristic for root morphemes of modern Turkic languages. Such diffuse changes are fundamentally due to the archaism of the proto-forms and the influence of ancient Turkic dialects.

The root morpheme in the old Turkic language is an active participant in the act of word creation, representing a generating basis in the formation of derivative words with word-building affixes. The derivation of the root morpheme is also revealed in the formation of complex, paired words and combinations of words, typologically inherent in the Turkic languages both in diachrony and in synchrony.

The root of the old Turkic word structure is the subject of a required article by the author.

Keywords: old Turkic literary language, language system, word structure, root morpheme, symbolism, historical relics, non-derivatives, variability, producing root morphemes.

Сведения об авторе:

Шаймердинова Нуршала Габбасовна, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. К. Сатпаева, 2, Нур-Султан, Республика Казахстан.

Автор туралы мәлімет:

Шаймердинова Нұршала Габбасқызы, филология ғылымдарының докторы, түркітану кафедрасының профессоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қ. Сәтбаев көшесі, 2, Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы.

Information about author:

Shaimerdinova Nurila Gabbaskyzy, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Turkology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, K. Satpayev str., 2, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan.